

О. Н. Шепель

Зарождение советского костюма в условиях массовизации общества

В статье рассматривается процесс создания советского костюма как феномена идеологически детерминированной пролетарской эстетики. Исследуется период с 1917 по 1940 г., воплотивший разнообразные тенденции интерпретации понятия «среда» применительно к городскому пролетариату, крестьянству, партийно-советской номенклатуре и т. д.

Ключевые слова: советский костюм, идеология, массовое сознание, мода, повседневность, социализм, пропаганда, революционная символика, производственная одежда, художники-конструктивисты, швейная промышленность.

O. N. Shepel

Origin of the Soviet Suit in Conditions of Society Massovisation

In the article the process of creation of the Soviet suit as a phenomenon of ideologically determined proletarian aesthetics is considered. The period from 1917 up to 1940 which embodied various tendencies of interpretation of concept environment with reference to urban proletariat, peasantry, party-Soviet nomenclature and etc. is investigated

Keywords: a Soviet suit, ideology, mass consciousness, fashion, everyday life, socialism, propaganda, revolutionary symbolics, industrial clothes, artist –constructivists, clothing industry.

Мода как «совокупность привычек и вкусов, господствующих в определенной общественной среде в определенное время» [19, с. 29], ярко и живописно отражает характер и дух эпохи. Во все времена одежда имела знаковое содержание, демонстрируя социальное положение человека, его общественный статус, культурные приоритеты, а подчас и политические пристрастия. В настоящее время в условиях массовизации, унифицирующей все сферы общества, в том числе и индустрию производства одежды, все актуальнее становятся вопросы о том, как зарождался феномен «советского костюма» [8, с. 12], что этому способствовало, так как костюм приобретает все большее значение для современного общества, а корнями своими их идеология уходит в первые десятилетия существования Советского государства.

Первое десятилетие после октябрьской революции 1917 г. – это противопоставление советского образа жизни и стиля жизни дореволюционного буржуазного общества. В этот период происходит формирование оппозиций между советским и мелкобуржуазным, дореволюционным и революционным, советским и мещанским. Согласно расхожим лозунгам большевистской идеологии, вещи в капиталистическом обществе выступают символами социального положения и престижа, а следовательно, социальной значимости человека, нивелируя его личностные качества.

Революция 1917 г. во многом изменила частную жизнь горожан, заложив предпосылки для существенных изменений в формировании нового облика советского общества через повседневную одежду. Происходит строительство «нового быта», а такие его составляющие, как жилье или одежда, находились под пристальным вниманием реформаторов; это внимание может быть расценено как «часть политики конструирования нации посредством формирования ее символов» [4, с. 25]. Попытка же насильственно деформировать или, как полагали советские идеологи, «творчески преобразить пространство и время, где обитал человек в эпоху гражданской войны» [10, с. 27], натолкнулась на консервации традиций и привычек.

Внешнему облику населения в самые первые годы после революции уделялось не очень много внимания [17, с. 43]. Гражданская война и иностранная интервенция разрушили экономику страны [17, с. 44]. Легкая промышленность фактически была уничтожена: из-за недостатка топлива и сырья бездействовали текстильные фабрики, не было моделирующих организаций. Именно этим были обусловлены такие черты советского костюма, как простота, экономичность, функциональность, которые на много лет вперед определили его «прогрессивные демократические тенденции» [17, с. 44], то есть то, чем, пре-

жде всего он отличался уже в те годы от костюма привилегированных классов капиталистического общества.

До революции представление о том, какой должна быть одежда, что и куда следует носить, формировалось журналами мод (хотя они не были единственным и даже главным субъектом формирования представлений об одежде), которые предназначались для представителей городских сословий – мещан, дворянства; в крестьянской и купеческой среде бытовыми практиками в большей степени управляли традиции. Новая власть пересматривает каждый аспект повседневной жизни и материального мира «царского режима» [17, с. 14] в соответствии с марксистской доктриной жизнеустройства. Согласно этой доктрине, вещи должны быть доступны и «понятны» каждому человеку: «Наша “мода” должна быть простая, удобная, легко выполняемая, недорогая, доступная работнице по ее зарплатке и, прежде всего, должна отвечать требованию одежды вообще, то есть должна защищать человека от холода, пыли, грязи и т. п., сохранив изящество» [7, с. 30]. Одежда должна согревать, защищать от холода, а не демонстрировать богатство в государстве, где «все равны». Казалось бы, столь примитивный подход советской власти к интерпретации существенной и многогранной сферы быта должен был наложить вето на эстетическое осмысление одежды представителями профессионального сообщества художников и дизайнеров. Однако советский идеологический канон только усилил их энтузиазм.

Показательны первые эксперименты советских «конструкторов одежды» [8, с. 56] – Александры Экстер, Любови Поповой, Варвары Степановой по производству нового советского костюма [4, с. 102]. В дизайне тканей использовались изображения серпов и молотов, винтов и шурупов, тракторов и аэропланов, спортивных атрибутов. Примитивные, но выразительные, легко опознаваемые картинки [8, с. 56] пропагандировали режим и справедливо назывались «агиттекстилем». Как считает один из пионеров нового костюма Александра Экстер, «костюм широкого потребления должен состоять из таких простейших геометрических форм, как прямоугольник, квадрат, треугольник; ритм цвета, вложенный в них, вполне разнообразит содержание формы» [18, с. 30].

Следуя логике художников-конструктивистов, в одном костюме должно быть несколько костюмов для экономии времени, денег и материала: «...выходной костюм, сняв верхнюю часть, получаем праздничное платье и, наконец, сняв белую блузу, получаем нижнее платье – рабочую одеж-

ду» [18, с. 30]. Таким образом, проводилось не только воспитание приверженности идеям революции, но и символическое переписывание материальной среды новой властью. Для самих художников повседневная одежда, как новое поприще для эксперимента, приобретала все большую привлекательность. Помимо платья на каждый день, первые «конструкторы одежды» разрабатывают униформу, которую «можно показать только в процессе работы в ней, вне реальной жизни не представляющую самодовлеющей ценности, так называемую «прозодежду» [16, с. 93]. Это одежда для массового производства, которая была изначально задумана как явление массовой моды. Витрины магазинов с выставленными в них моделями костюмов на восковых манекенах становятся эстетическим пережитком. Сегодняшний костюм надо наблюдать в действии, вне его нет костюма, так же, как бессмысленна машина вне работы, ею производимой. «Костюм должен потерять свое идеологическое значение и стать частью материальной культуры» [2, с. 65]. Так, уже в 1923 г. автором формулируются перспективы разработки прозодежды – производственного костюма для нужд развивающегося государства [2, с. 66].

Организация всевозможных обществ, предлагавших радикально изменить костюм, поиски новых форм одежды конструктивистами – все это было отражением духа времени, результатом стремления решительно покончить со старыми видами и формами костюма, заменив их новыми. В 20-х гг. в этой работе участвовали представители изобразительного искусства (живописцы, графики) и театральные художники-оформители: В. Степанова, Л. Попова, А. Родченко, В. Татлин, В. Кандинский, архитекторы – братья А. и В. Веснины и ряд других представителей прозискусства (в основу их проектов легла идея союза искусства с производством, которое вылилось в сферу проектирования новых форм советского костюма) [16, с. 35]. Конструктивисты, входившие в ЛЕФ, провозглашали прозодежду «костюмом сегодняшнего дня»; в своих теоретических высказываниях они заявляли, что костюма «вообще» не существует, а есть специальная одежда для определенной производственной функции. В. Степанова разработала программу работы художника над прозодеждой, в которой наметила ряд этапов – от определения ее функций до системы покроя и обработки, то есть практического выполнения. Имея специальную подготовку в области конструирования костюма, она предложила проекты костюмов хирурга, пожарного, пилота, специальных фуражек для продавцов Госиздата [17, с. 50].

Одежда, безусловно, не может восприниматься отдельно от ее «носителя». Мода и красота «по советски» сводятся к рациональности, в ином случае они расцениваются как «обман», «короста» на вещах или теле. И если художники активно разрабатывали и внедряли новые идеи по созданию нового профессионального костюма, то рабочий класс на местах активно обсуждал идею: можно ли в условиях нового быта использовать «буржуазную» косметику? В статье «Юные работницы строят новый быт» разворачивается непримиримая борьба с пережитками. Как таковой дискуссии не возникает. Автор сурово констатирует: «Постановили не пудриться и не мазаться. Лицо портится и нехорошо. Как будто обман какой» [5, с. 13]. Сторонники новой эстетики предполагают, что «при повышении культурного уровня женщины вся эта косметика сама по себе ликвидируется» [6, с. 15].

Критическое отношение к совершенствованию внешности, которое прослеживается в приведенных цитатах, является эхом советских идеологических лозунгов первых лет, когда стремление к телесной красоте рассматривалось в большей степени как буржуазное, несоветское явление, потому что оно представляет собой приукрашивание действительности и устанавливает приоритет видимости над сущностью: «Мы, коммунисты и комсомольцы, стоим за красоту, за красивое тело, за изящную человеческую фигуру. За естественную красоту, а не подмалеванную» [9, с. 15]. Из вышесказанного следует, что основным императивом выступали категории «естественность», «здоровье» и «гигиена».

В годы НЭПа появляется общественный слой, который представляет новую партийно-государственную элиту. Под «элитой» в данном случае мы понимаем прежде всего партийно-советскую номенклатуру (партийные руководители, их жены, родственники). Впрочем, значимой частью советской элиты стали деятели искусства, прежде всего театра и кино. Элита не хотела отставать от европейской моды и подражала не только наиболее передовым тенденциям в моде, но и зачастую весьма курьезным направлениям. Она активно заимствует западную моду, прежде всего в ее североамериканском варианте, но при этом и следит за развитием отечественной модной индустрии. Источником осведомленности становятся, прежде всего, журналы мод, которые доставлялись огромными партиями из Европы и Америки. Оригинальные разработки советских модельеров в совокупности с импортными моделями создавали весьма эклектичный стиль элиты. В 1930-е гг. правительство всячески пытается изо-

лировать страну от веяний мировой моды, препятствует распространению западных тенденций и сводит к минимуму светскую жизнь [3, с. 223].

После 1929 г. «нэпманская мода» исчезла. В результате форсированной индустриализации и коллективизации страна вернулась к дефициту и карточной системе. Лишь в середине 1930-х гг. властные идеологические структуры вновь проявили интерес к внешнему виду населения. Популистский лозунг «Жить стало лучше, жить стало веселее» реабилитировал желание хорошо одеваться. Пресса высмеивала производство некачественной, невыразительной по расцветке, стандартной одежды. Мода была призвана властью для решения определенных задач. В политике «кнута и пряника» она являлась средством поощрения привилегированных групп, которые сталинская система формировала в каждом социальном слое. Их облик контрастировал с одеждой рядовых горожан. «Лучшие представители» советского общества пользовались услугами частных портных и закрытыми распределителями. Престижную одежду выдавали передовикам производства обычно в виде премий на съезде ударников и стахановцев. Рекламой привлекательного образа страны за рубежом стали марширующие на физкультурных парадах колонны одетых в спортивную форму людей, демонстрирующих единство, силу и жизнерадостность [4, с. 30]. Кинохроника стремилась запечатлеть советского человека не только в трудовом процессе, но и в универсальном магазине во время примерки нового пальто, шляпы, перчаток. Одним из самых распространенных объектов рекламы была именно продукция легкой промышленности.

После относительной стабилизации экономического положения в середине 1930-х гг. власть начала проводить курс на сглаживание явных признаков «чрезвычайности» в повседневной жизни советских граждан. Изменилась сама стилистика времени: в архитектуру и быт на смену пролетарскому минимализму и аскетизму вторгся имперско-классический стиль, прекратились нападки на модную одежду и косметику, стали пропагандироваться атрибуты «красивой жизни», «культурного советского быта». То, что ранее всей мощью пропагандистского аппарата клеймилось как проявление буржуазной роскоши и разложения, становилось желательным и даже поощряемым властями: украшения, изящные дамские и строго-элегантные мужские туалеты, перманентная завивка, маникюр и т. д. [11, с. 79] Таким образом, с середины 1930-х гг. происходило изменение отношения к моде, уюту и другим «мелкобуржуазным явлениям» в культуре. Очевидно, что советская культура 1930-х гг. отбрасывает авангардные

эксперименты, и идеи переделки человека заменяются обращением к моделям, которые имитируют ценности середины XIX в., присущие российскому образованному классу этого времени.

Изменение отношения к костюму наблюдается как со стороны власти, так и со стороны населения. В исследовании историк моды А. Васильев приводит отрывки из письма девушек-колхозниц, датированного 1937 г.: «Запросы к красивой одежде растут. Я одеваюсь теперь просто, но, по-моему, красиво. ... Мы можем красиво одеваться еще и потому, что у нас есть вкус и мы следим за модами». Цитаты демонстрируют актуальность таких императивов, как «красота», «вкус», «мода», в выборе одежды. Поскольку авторы письма – сельские девушки, можно предположить, что эти императивы важны не только в городской, но и в деревенской культуре [15, с. 19].

Красиво одеваться хотели теперь не только представители элитарной части общества, но и широкие народные массы. В связи с изменением отношения к потреблению в прессе начинают появляться статьи о демонстрациях одежды, выставках тканей, качестве представленных к продаже предметов быта. Тексты сообщают о магазинах, которые «завалены» потребительскими товарами, о доступных образцах тканей, «способных удовлетворить самые взыскательные вкусы» [1, с. 13]. Но, несмотря на газетную риторику, многие товары доступны лишь представителям элиты через специальные каналы «закрытого распределения» или отличникам и передовикам советского производства. Ассортимент советских магазинов в течение длительного периода остается относительно ограниченным и однообразным [13, с. 114]. Люди испытывают затруднения с покупкой вещей, именно в это время появляется понятие «дефицит».

В период Великой отечественной войны легкая промышленность выполняла исключительно военные заказы: изготавливала обмундирование и рабочие спецовки. Но уже в 1946 г. Москва, Петербург и крупные провинциальные города возобновили показы мод, выпуск журналов кройки и шитья, публикации в СМИ на темы современной моды [16, с. 244–250].

Одежда воспринималась властью как средство формирования идеологии людей на всем протяжении существования советского режима. Государство стремилось полностью подчинить себе устройство жизни граждан страны, в том числе путем внедрения сверху символики Советского государства в каждый аспект быта и прежде всего в стиль одежды. Это говорит о том, что в стране абсолютно не приветствовалась индивидуальность, а кол-

лективное мышление насаждалось в том числе относительно внешнего облика населения.

Библиографический список

1. Ашанина, А. Выставка тканей [Текст] / А. Ашанина // Работница. – 1935. – № 11. – С. 13.
2. Варст, К. «Костюм сегодняшнего дня» [Текст] / К. Варст // ЛЕФ. – 1923. – № 2. – С. 65.
3. Васильев, А. Русская мода. 150 лет в фотографиях [Текст] / А. Васильев. – М.: Слово, 2004. – 448 с.
4. Гурова, О. Ю. Идеология потребления в советском обществе [Текст] / О. Ю. Гурова // Социологический журнал. – 2005. – № 4.
5. Гусева, Л. Юные работницы строят новый быт [Текст] / Л. Гусева // Работница. – 1924. – № 2. – С. 13.
6. Ильина, М. В чем красота? [Текст] / М. Ильина // Работница. – 1927. – № 37. – С. 15–16.
7. Киселева, С. Об одежде и модах [Текст] / С. Киселева // Работница. – 1924. – № 3. – С. 30–31.
8. Лебина, Н. Б. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия [Текст] / Н. Б. Лебина, А. Н. Чистиков. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 340 с.
9. Лиин, И. В чем красота? [Текст] / Л. Лиин // Работница. – 1926. – № 27. – С. 15.
10. Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е гг. – СПб.: 2000. – 502 с.
11. Орлов, И. Б. Советская повседневность: исторические и социологические аспекты становления [Текст] / И. Б. Орлов. – М.: 2010. – 213 с.
12. Орлов, И. Б. Студенческая семья 1920-х гг.: попытка многофакторного анализа [Текст] / И. Б. Орлов // Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII – XXI в.) : сборник научных статей. – М.: Изд-во МГОУ, 2004. – 269 с.
13. Осокина, Е. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941 [Текст] / Е. Осокина. – М.: РОССПЭН, 1997. – 158 с.
14. Речь товарища Сталина на первом всесоюзном совещании стахановцев [Текст] // Работница. – 1935. – № 20. – С. 3–4.
15. С. и Б. Силуэт с торчащими... линиями [Текст] / С. и Б. // Работница. – 1937. – № 5. – С. 19.
16. Стриженова, Т. Из истории советского костюма [Текст] / Т. Стриженова. – М.: Советский художник, 1972. – 340 с.
17. Стриженова Т. Советский костюм за 50 лет [Текст] / Т. Стриженова, С. Темерин // Журнал МОД. – № 3 – 1967. – 250 с.
18. Экстер, А. Современная одежда [Текст] / А. Экстер // Красная нива. – № 21. – 1923. – С. 31.
19. Ятина, А. И. Мода глазами социолога [Текст] / А. И. Ятина. – СПб.: Элексис Принт, 2006. – 176 с.